

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.6.24>

Цигвинцева Галина Леонтьевна

Российская повседневность как форма мобилизационного состояния общества: история и современность

Цель исследования - рассмотреть российскую повседневность как форму мобилизационного состояния российского общества как в прошлом, так и в настоящем. В статье проанализированы историко-природные, геополитические и социально-культурные факторы становления и функционирования российского этноса. Показаны как конструктивные, так и деструктивные, рациональные и иррациональные элементы в структуре российской повседневности, которые обуславливают ее мобилизационный статус. Научная новизна работы состоит в попытке осмысления разноуровневых и многоаспектных характеристик российской повседневности и социальных настроений, детерминируемых как историческими, так и современными разнопорядковыми причинами.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2020/6/24.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 6. С. 128-132. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2020/6/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

4. **Diodorus.** Library of History: in XII vols. / transl. C. Bradford Welles. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1963. Vol. VIII. 496 p.
5. **Harvey F. D.** Dona Ferentes: Some aspects of bribery in Greek politics // History of Political Thought. 1985. Vol. 6 (12). P. 76-117.
6. **Hunter V.** Policing Public Debtors in Classical Athens [Электронный ресурс]. URL: <https://www.jstor.org/stable/1089088> (дата обращения: 18.01.2020).
7. **Hypereides.** Minor Attic Orators: in II vols. / transl. J. O. Burt. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1954. Vol. II. Lycurgus. Dinarchus. Demades. Hyperides. 620 p.
8. **Kroeze R., Vitoria A., Geltner G.** Anticorruption in history. From Antiquity to the Modern Era. N. Y.: Oxford University Press, 2018. 459 p.
9. **Lane M.** Claims to Rule: The Case of the Multitude // The Cambridge Companion to Aristotle's Politics / ed. by M. Deslauriers, P. Destree. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. P. 247-274.
10. **Mitchell L. G.** Greeks Bearing Gifts: The Public Use of Private Relationships in the Greek World, 435-323 BC. L.: Routledge, 1997. 272 p.
11. **Plutarch.** Lives: in XI vols. / transl. B. Perrin. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1914. Vol. II. Themistocles and Camillus. Aristides and Cato Major. Cimon and Lucullus. 446 p.
12. **Schwartzberg M.** Shouts, Murmurs and Votes: Acclamation and Aggregation // Ancient Greece. Journal of Political Philosophy. 2010. Vol. 18. P. 448-468.
13. **Taylor C.** Bribery in Athenian Politics. Part I: Accusations, Allegations and Slander // Greece and Rome. 2001. Vol. 48. № 1. P. 53-66.
14. **Worthington I.** A Historical Commentary on Dinarchus: Rhetoric and Conspiracy in Later Fourth-Century Athens. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1992. 394 p.
15. **Yuzuru H.** Athenian Bribery Reconsidered: Some Legal Aspects // The Cambridge Classical Journal. 2006. Vol. 52. P. 62-80.

Corruption in Ancient Athens – “Betrayal” of Democratic Values or Social Norm?

VeZlomtsev Viktor Evgen'evich, Ph. D. in Philosophy

Academy of Law Management of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ryazan
ve.vezlomtsev@yandex.ru

The study aims to analyse correlation between anti-corruption measures and protection of democratic values in Ancient Athens. The article reviews the anti-corruption mechanisms and methods used in Ancient Athens in order to protect democratic principles, as well as peculiarities of attitude to corruption exhibited by the Athenian society compared to modern understanding of social essence of this phenomenon. Acts of gifting and giving a bribe-gift are demarcated with consideration to social context. The author explains why, despite the fact that modern scientific discourse has formed the idea of corruption as an integral part of the Athenian society, corruption in Ancient Athens was considered a social phenomenon undermining democracy and being highly uncharacteristic of its citizens. Scientific novelty of the study lies in examining the anti-corruption methods employed in Ancient Athens through the lens of protecting democratic values. As a result of the research, correlation between the democratic governance of Ancient Athens and understanding of corruption in social context is discovered.

Key words and phrases: corruption; bribery; anti-corruption; democracy; demos; civil society; attitude to corruption.

УДК 1:316.6

Дата поступления рукописи: 12.04.2020

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.6.24>

Цель исследования – рассмотреть российскую повседневность как форму мобилизационного состояния российского общества как в прошлом, так и в настоящем. В статье проанализированы историко-природные, геополитические и социально-культурные факторы становления и функционирования российского этноса. Показаны как конструктивные, так и деструктивные, рациональные и иррациональные элементы в структуре российской повседневности, которые обуславливают ее мобилизационный статус. **Научная новизна** работы состоит в попытке осмысления разноуровневых и многоаспектных характеристик российской повседневности и социальных настроений, детерминированных как историческими, так и современными разнопорядковыми причинами.

Ключевые слова и фразы: повседневность; мобилизационное состояние; Россия; общество; структура; народ; субъектность.

Цигвинцева Галина Леонтьевна, к. филос. н., доц.

Пермский национальный исследовательский политехнический университет (филиал) в г. Чайковском
cigvinceva@yandex.ru

Российская повседневность как форма мобилизационного состояния общества: история и современность

Российская повседневность как форма мобилизационного состояния общества остается предметом философской рефлексии. Изменяющаяся социальная реальность как единство объективного и субъективного влечет

за собой расширение и усложнение структуры повседневности, вынужденной отвечать на современные риски и угрозы. Историко-природные и геополитические условия генезиса русского народа, затянувшийся глобальный социально-экономический кризис не дают россиянам оснований для отказа от стратегии превентивных мер выживания и жизнедеятельности, что предоставляет нам возможность *актуализировать* эту проблему.

Поскольку содержание структуры повседневности имеет разнообразные научные интерпретации и методологические особенности изучения, то это обстоятельство дает нам возможность разнохарактерного и разноуровневого выявления и оценки этого феномена согласно позиции автора.

Целью работы является рассмотрение российской повседневности как формы мобилизационного состояния российского общества.

Исследовательской *задачей* работы является социально-философский анализ мобилизационных проявлений российской повседневности как в прошлом, так и в настоящем.

В настоящее время философско-методологическое знание об обществе предполагает использование исследователем широкого арсенала *методов* для достижения поставленных целей и задач. В нашем случае это общелогические методы исследования и социально-философский анализ.

Теоретической базой работы послужили труды отечественных и зарубежных исследователей, таких как: И. А. Ильин, В. О. Ключевский, Г. В. Плеханов, С. М. Соловьёв, Н. С. Трубецкой, Жан Бодрийяр, Ш. Монтескье, Р. Пайпс и др.

Практическая значимость статьи заключается в возможности использовать ее содержание в качестве источника информации о специфических структурах отечественной повседневности.

Каждый народ «выпестован» своей природно-географической нишей, включающей все ландшафтные особенности проявления климата и рельефа, растительного и животного миров. Приспособление к определенному природно-территориальному комплексу определяет судьбу народа, его менталитет. Представители географического детерминизма, напрямую связывающие умственный и духовный строй народов со средой их обитания, и сегодня имеют веские аргументы для защиты своей позиции. В прошлом представитель географического детерминизма, Ш. Монтескье утверждал, что власть климата сильнее всех иных властей, от климатических условий зависит характер народа: «Народы жарких климатов робки как старики; народы холодных климатов отважны, как юноши» [8, с. 350].

Член Санкт-Петербургской академии наук Карл фон Бэр утверждал в XIX веке, что «физические свойства местности предопределяют судьбу не только целых народов, но и человечества» [2, с. 233]. Русский историк С. М. Соловьёв приводит интересные рассуждения об использовании разных природных материалов в строительстве в Европе и на Руси: «...в камне свили свои гнёзда западные мужи и оттуда владели мужиками...» [12, с. 249]. Изобилие леса на всей территории Восточной Европы давало возможность использовать его в строительстве жилища, которое «ничего не стоит по дешевизне материала, отсюда с такою лёгкостью старинный русский человек покидал свой дом... Отсюда привычка к расходу в народонаселении...» [Там же]. Между тем те исследователи, которые видят лишь опосредованную связь между природно-географической средой и национальным характером народа, утверждают, что русский человек покидал свой очаг не из-за привычки кочевать с места на место, а с целью найти лучшую долю...

С. М. Соловьёв связывает обстоятельность и рациональность западного человека с наличием и использованием в строительстве камня, который якобы «сделал» европейцев основательными и целеустремленными. Парадоксально то, что сегодня, живя среди «камня» (железобетонные и кирпичные здания), мы, в массе своей, не являемся примером дисциплинированности...

Между тем резонно задаться вопросом: всегда ли камень в качестве материала для строительства играл столь важную роль на Западе и определил тем самым базовые качества характера европейцев? Обратимся к отечественному историку и экономисту И. М. Кулишеру, давшему характеристики германских и французских городов: «В некоторых местностях, по словам путешественников... встречаются деревянные и даже, в виде исключения, каменные дома... пол состоит из земли, утрамбованной сеном, а крыша из соломы, смешанной с камышом» [7]. Г. В. Плеханов пишет: «...свойствами географической среды определяется более или менее быстрое развитие производительных сил, а от степени развития производительных сил зависит, в последнем счёте, весь строй общества, т.е. все свойства общественной среды...» [11, с. 16].

Безусловно, чрезмерная рационализация структуры повседневности не может в полной мере исключить таинственную связь души народа и его природно-географической «колыбели»... Метафизический взгляд на российскую ментальность и повседневность предлагает самобытный философ Г. Д. Гачев. Акцентируя внимание на особом темпоритме, якобы свойственном априори России, он утверждает, что рационального объяснения русскому Космо-Психо-Логосу нет и быть не может, поэтому логика у нас слабее работает, теряется... Н. А. Бердяев использовал такие эпитеты, как «русские поля» и «необъятные русские снега», и утверждал, что овладеть таким пространством и организовать его не под силу русскому человеку... Экстремальные природно-климатические условия сформировали специфические структуры повседневности, где низкий уровень жизни большинства населения на пределе физического выживания продуцировал соответствующий уклад жизни эмпирического субъекта в контексте экзистенциального выбора. Экзистенциальный выбор, в свою очередь, мобилизовал в человеке внутренние резервы для решения проблем жизнеобеспечения.

Американский историк Ричард Пайпс, оценивая последствия жесткости климатических условий в России, писал: «Страна, в основе своей, настолько бедна, что позволяет вести в лучшем случае скудное существование» [10, с. 13]. В. О. Ключевский отмечал, что русский крестьянин, зная, как мало времени отведено природой

на получение урожая, способен был «к чрезмерному кратковременному напряжению своих сил, привыкал работать скоро...» [5, с. 279]. О трудолюбии и лениности народов написано больше чем достаточно. Как представляется, проекция этих черт не проявляет себя как-то по-особенному у нас, в России... Н. Г. Чернышевский, не склонный идеализировать русский народ, указывал, что «леность развивается не вследствие климатического влияния, а вследствие исторических отношений... Все привычки народа зависят от обстоятельств его жизни» [15, с. 378]. Вместе с тем мобилизационным проявлением в структуре повседневности крестьянской среды было безразличное, на грани срыва отношение к хозяйствованию, длительные запои и, как следствие, отчуждение от себя и своих близких. Н. А. Некрасов в стихотворении «Пьяница» выразил это так: «Запуганный, задавленный, с поникшей головой идёшь как обесславленный, гнушаясь сам собой» [9, с. 9]. Отчуждение как форма самоотрицания в условиях сложившейся структуры повседневности всегда было свойственно и господствующему классу... Казалось бы, российская повседневность как форма мобилизационного состояния общества должна была способствовать формированию более продуманных и четких критериев хозяйствования с учетом перманентных геополитических, климатических и демографических рисков. В действительности рационализация хозяйства не занимала умы большинства землевладельцев. Ключевский писал: «...наклонность дразнить счастье, играть в удачу и есть великорусский авось» [5, с. 279]. И сегодня формы проявления «великорусского авось» не изжиты, они претерпели трансформацию и стали предметом рефлексивного анализа исследователей, интересующихся проблемами российской повседневности и человеческой субъектности.

О доминанте чувственно-эмоциональной составляющей в российском менталитете, как говорится, не писал только ленивый... На наш взгляд, это является проявлением парадоксального отзеркаливания всего комплекса структур повседневности. Структуры российской повседневности, порожденные перманентным мобилизационным состоянием социума, оказали влияние на чувственно-эмоциональную составляющую духовного наследия. Русская песня, музыка, поэзия, как народные, так и имеющие именитых, профессиональных авторов, демонстрируют полярные образно-символические характеристики в описании явлений, процессов и самой человеческой субъектности. В. Г. Белинский писал о русском человеке: «...и никому не свойственны до такой степени быстрые переходы от самой томительной, надрывающей душу грусти к самой бешеной испуганной веселости» [1, с. 79]. Это, как представляется, является следствием существования на пределе человеческих возможностей и потенциальных рисков, позволяющих в минуты блаженной погруженности в настоящее выйти за пределы трансперсональности...

Сегодня глобализация трансформирует мировой порядок и нивелирует, как минимум, скептическое отношение людей к проблемам национальной безопасности. Реалии современного мира ориентируют как государства, так и сообщества разных уровней на партнерские отношения как необходимые и достаточные. Перспективы «всеобщего братания» не стоят на повестке дня...

Исторически непростое геополитическое положение России превращало ее в осажденную крепость. Становление русского централизованного государства и национального характера народа шло «на поле брани»: более трехсот лет войны пережили россияне с XIV по XX век... И. А. Ильин писал: «Русская история развивалась так, что для неё не было никакого выбора; или надобно было сражаться или быть уничтоженным...» [4, с. 477]. Интересный пример патриотизма, жизнестойкости и русской смекалки привел Г. В. Плеханов о белгородцах, которые в 997 году заставили печенегов испробовать кисель из... колодца и снять осаду. Историческая практика свидетельствует, что стоящий перед экзистенциальным выбором русский человек способен раздвинуть рамки своей субъектности, придавая вещам и событиям почти вселенское звучание, вопреки своим собственным «шкурным» интересам. Примеров тому достаточно и в постсоветской истории России: подлодка «Курск» – 2000 г.; подвиг шестой псковской десантной роты – 2000 г.; героизм физиков-ядерщиков Северодвинска – 2019 г. и многие другие. К сожалению, расширяя в своем сознании понятия «дом», «очаг» до размеров отечества и обретая смысл личного существования в служении ему, пассионарные личности нередко остаются в тени забвения.

Вместе с тем жизнь, доминантой которой являются перманентные риски, порождает в народе пренебрежение к обустройству эмпирической реальности, стабильности и порядку. Это парадоксальным образом уживается у нас с сакрализацией властных структур и приятием административной опеки. Чрезмерное администрирование, бюрократизированность и коррупционную составляющую нередко связывают с рудиментами монголо-татарского владычества, поскольку среди элиты, как писал Н. С. Трубецкой, «подлое низкопоклонство и заискивание перед татарами, стремление извлечь побольше личных выгод... существовало и притом в очень значительной мере» [13]. История, как известно, сложилась так, что русские князья, сохранив лояльность к монголо-татарам, минимизировали риски для народа и православной культуры.

Постоянная угроза самому факту существования, с одной стороны, мобилизует инстинкт самосохранения индивида, а с другой – притупляет его страх перед опасностью. Это можно экстраполировать на народ в целом. Русский народ оказался в ситуации, когда «развитие, ориентированное на достижение чрезвычайных целей с использованием чрезвычайных средств и чрезвычайных организационных форм» [14, с. 71] сформировало стратегии адаптивного поведения, нашедшие свое выражение в разных моделях восприятия и поведения, демонстрирующих как гармоничные, так и отчужденные формы социальных взаимодействий. Внепроблемным самовосприятием и непривязанностью к месту своего обитания, с точки зрения автора, объясняется бытовая запущенность российских деревень и городов. В XVI-XVII веках русская колонизация огромных пространств Урала и Сибири явилась причиной большого числа миграционных потоков. Самосознание русских колонистов формировалось в контексте «ментальной» турбулентности – извечной

тягой обрести свое счастье и благополучие в «стране Муравии». Обустройство жизни «здесь и сейчас» довольно редко входило в планы человека, привыкшего к перемене мест, «к расходке»... Качественное благоустройство эмпирического пространства представлялось не заслуживающим внимания, строились и жили «на скорую руку». Повседневность советского периода российской истории, породившая репрессивно-лагерный синдром, лишь закрепила в менталитете россиян отчужденное отношение к месту обитания, делая россиян чужаками в родном Отечестве. Безразличное отношение к социальному пространству и последствиям своих противоправных деяний демонстрируют люди с вполне состоявшейся судьбой: депутат, голосующий за закон, который ухудшит положение налогоплательщиков и снизит их уровень жизни; чиновник, берущий взятки и визирующий документ, разрешающий строительство опасного объекта рядом с жилым массивом; браконьер, убивающий в запретное время, ради прихоти дикое животное... Эти люди цинично убеждены: допустимо всё, что полезно мне и моему ближнему кругу... Так, природу русского «авось», как представляется, следует интерпретировать в зависимости от мотивирующих факторов. Эти факторы проявляют себя как широкий спектр реагирования: от бесшабашности и волюнтаризма до выжидания внешних и внутренних изменений среды. «При широком распространении анонии в обществе нередко сам человек становится... морально развращённым. Он осуждает коррупцию не потому, что она представляет собой общественную патологию, а потому, что не имеет достаточно ресурсов для задействия всех коррупционных механизмов в свою пользу» [6, с. 143].

Российская повседневность, к сожалению, культивирует в людях «постапокалиптический» синдром, характеризующийся критикой социально-экономических и политических реалий, но не желающих нередко принять, что «разруха не в клозетах, а в головах». Абсолютизация мысли о несовершенстве законов уживается в сознании русского человека с неопределенностью и безынициативностью, являющимися ответом на разнохарактерные и разноуровневые риски. Социальная разобщенность как следствие социальной декомпенсации, с одной стороны, порождает патологические формы социального поведения, транслирующие низкую степень осознания реальности и самоконтроля у психологически незрелых людей, а с другой – демонстрирует рост самосознания и личностного роста у адекватных и социально ответственных личностей. Последние ищут выход не в деструктивных формах протеста, а пытаются обрести внутреннее равновесие, меняя самих себя и (или) среду обитания.

Вопрос о влиянии искусственного интеллекта на человеческую субъектность и самоотождествленность является предметом неутихающих споров. Киборгизация сознания, уничтожение значительных исторически сложившихся пластов повседневности и появление новых, продуцирующих толерантное восприятие потери значительным числом молодых россиян, способности критически воспринимать негативные проявления виртуализации мира набирают обороты. Формирование действенных механизмов противодействия этому не стоит на повестке дня. Напротив, свободное владение информационными технологиями свидетельствует о возможности расширить границы индивидуальной субъектности и, следовательно, обрести материальные предпочтения, так как для игнорирования человеческой телесности время не настало. Корреляция между высокой степенью профессионализма и творческой одержимостью человека в сфере информационных технологий способствует примирению между реальным и виртуальным планами его бытия. Необходимость вписаться в «виртуальную повседневность», общение с ней на «ты» является сегодня своеобразной модификацией мобилизационного состояния, призванного минимизировать возможные риски и контролировать реальность. Сквозь традиционные структуры повседневности (быт, семья, здоровье, досуг и т.п.) «проросли» киберпространственные коммуникации, нивелируя, казалось бы, условность параметров виртуального мира.

Современный россиянин в условиях перманентных рисков своему благополучию и здоровью использует, как правило, любую возможность обезопасить себя. Боязнь оказаться «на обочине» социума, страх смерти гонит людей в фитнес-клубы и на психотренинги. Попадая в ловушку трансгрессивного и трансцендентального трансгуманизма, сводящих свободу к биоморфическому идеалу и «астральным путешествиям», люди дистанцируются от традиционных, исторически сложившихся религиозных духовных практик, отрицающих бессмертие тела. Трансгуманизм, постулируя возможность бесконечного совершенствования человека и предлагая цифровые технологии в качестве способа улучшения повседневной реальности, претендует на миссионерский статус. Вряд ли кто-нибудь сегодня осмелится утверждать, что историческое прошлое России, богатое реализацией разноформатных социальных экспериментов, выработало у населения стойкий «иммунитет» к идеям трансформации человеческой природы и разных форм общественной организации. Неизбывное стремление русского человека заставить «работать» «божественные» универсалии (справедливость, счастье и т.п.) на благо общественных интересов предоставляет карт-бланш реализации «изнаночного» трансгуманистического сценария в будущем. Поскольку вряд ли биороботы будут озабочены вопросами социальной справедливости и свободомыслия в том формате, который транслирует идея «русской соборности». Гедонистический императив трансгуманизма сводит эти вопросы к избавлению от рисков физического и психического дискомфорта и проблемы коммуникации перекладывает «на плечи» информационных технологий. «Гедонистический человек лишается внутренней глубины, ему ни к чему гражданские ценности и общее благо» [Там же, с. 144]. Какие последствия это будет иметь – оценят в полной мере потомки. Однако еще Жан Бодрийяр предупреждал: «Вместо того, чтобы создавать коммуникацию, информация исчерпывает свои силы в инсценировке коммуникации. Вместо того, чтобы производить смысл, она исчерпывает свои силы в инсценировке смысла» [3]. Пресловутый «пандемический синдром» высветил особенности структуры российской повседневности. Модели поведения и реагирования россиян транслируют необычный «микс», отражающий проявления не только традиционной, исторически сложившейся обыденности, но и повседневности, определяемой логикой развития техногенной цивилизации.

Выводы. Российская повседневность проявляет себя во взаимообуславливающих процессах, детерминированных как объективными, так и субъективными факторами. Российская повседневность как форма мобилизационного состояния общества порождена особенностями разноплановых факторов, (природно-климатических, геополитических, социокультурных), определяющих ее разноуровневые и многоаспектные характеристики. Содержание структуры российской повседневности свидетельствует о противоречивом единстве ее разрушительных и созидательных, рациональных и иррациональных составляющих и форм их проявления. Логика развития техногенной цивилизации вносит коррективы в традиционные пласты российской повседневности и порождает новые модификации мобилизационного состояния. Какое влияние последние окажут на самих россиян, покажет время.

Список источников

1. **Белинский В. Г.** Россия до Петра Великого // Русская идея / сост. и авт. вступ. ст. М. А. Маслин. М.: Республика, 1992. С. 73-90.
2. **Бэр К.** О влиянии внешней природы на социальные отношения отдельных народов и историю человечества. СПб., 1848. 343 с.
3. **Жан Бодрийяр: Мир, в котором становится все больше информации и все меньше смысла** [Электронный ресурс]. URL: <https://cont.ws/@sage/322770> (дата обращения: 07.04.2020).
4. **Ильин И. А.** Сущность и своеобразие русской культуры // Ильин И. А. Собрание сочинений: в 10-ти т. М.: Русская книга, 1996. Т. 6. Кн. 2. С. 373-620.
5. **Ключевский В. О.** Русская история. Полный курс лекций: в 3-х кн. М.: Мысль, 1993. Кн. 1. 572 с.
6. **Кузьменков В. А.** Аномия и гедонизм: поиск взаимосвязи // Манускрипт. 2020. Т. 13. Вып. 12. С. 142-145.
7. **Кулишер И. М.** История экономического быта Западной Европы [Электронный ресурс]. URL: <http://history-library.com/index.php?id1=3&category=vsemirnaya-istoriya&author=kulisher-im&book=2004&page=44> (дата обращения: 25.03.2020).
8. **Монтескье Ш.** Избранные произведения / под ред. М. П. Баскина. М.: Политиздат, 1955. 800 с.
9. **Некрасов Н. А.** Стихотворения и поэмы. Пермь: Кн. изд-во, 1979. 349 с.
10. **Пайпс Р.** Россия при старом режиме / пер. с англ. В. Козловского. М.: Независимая газета, 1993. 427 с.
11. **Плеханов Г. В.** История русской общественной мысли: в 3-х т. М. – Л.: ЦКЖД «Гудок», 1925. Т. 1. 327 с.
12. **Соловьёв С. М.** Чтения и рассказы по истории России / сост. С. С. Дмитриев. М.: Правда, 1990. 765 с.
13. **Трубецкой Н. С.** Наследие Чингиз-Хана. Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока [Электронный ресурс]. URL: https://bookscafe.net/read/trubeckoy_nikolay-nasledie_chingishana-239216.html#p84 (дата обращения: 03.04.2020).
14. **Фонотов А. Г.** Россия: от мобилизационного общества к инновационному. М.: Наука, 1993. 272 с.
15. **Чернышевский Н. Г.** Письма об Испании В. П. Боткина. СПб. 1857 г. // Чернышевский Н. Г. Сочинения: в 2-х т. М.: Мысль, 1986. Т. 1. С. 368-394.

Russian Everyday Life as Form of Society's Mobilisation State: the Past and the Present

Tsigvintseva Galina Leont'evna, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Perm National Research Polytechnic University (Branch) in Chaykovsky
cigvinceva@yandex.ru

The study aims to examine the Russian everyday life as a form of the Russian society's mobilisation state in the past, as well as at the present time. The article has reviewed historical-natural, geopolitical and social-cultural factors contributing to the formation and functioning of the Russian ethnic group. Constructive as well as destructive, rational and irrational elements in the structure of the Russian everyday life are revealed accounting for its mobilisation status. The work is novel in that it attempts to conceptualise multi-level and multi-aspectual characteristics of the Russian everyday life and social sentiment determined by both historical and modern multi-ordinal reasons.

Key words and phrases: everyday life; mobilisation state; Russia; society; structure; nation; subjectivity.